

Наталья Елизарова. Пепел сгоревшей звезды: Повесть. Послесл. В. Физикова; худож. О. Задорожная. Омск: ОМГТУ, 2022. — 100 с.

Наверное, для писателя непросто — убедительно передать поток сознания своего героя, его мысли и чувства, восприятие им людей и событий в текущем моменте и в прошлом, воссоздать далекие жизненные реалии. Особенно если этот герой — личность реальная, известная и неоднократно «осужденная» за то, что не спас (не мог или не хотел) свою мать. Георгий Эфрон (1925—1944), сын Марины Цветаевой. Разве не его претензии сына, придирки, упреки явились одной из причин смерти великого поэта? Используя архивные материалы и воспоминания современников, письма Георгия Эфрона и его дневники, Наталья Елизарова прошла жизненный путь вместе со своим героем и, проникая в строй его мыслей, улавливая оттенки чувств, сумела убедить в подлинности его переживаний. Повесть начинается с последнего дня жизни Георгия, когда «оглохший от воя орудий, вцепившись потными, побелевшими пальцами в автомат, он бежал неровными, неуклюжими скачками... Падал, вжимаясь в спрессованную от гусеничных вмятин землю, хватаясь обеими руками за серые комья с вывороченными, оголенными корнями, поднимался, бежал, снова падал... Он был уверен, что не умрет: слишком глупо и бесславно погибнуть вот так, не успев совершить ничего из того, что задумал... Не успев вообще ничего...» Борясь со страхом, «литературный мальчик» перебирал в уме изречения великих о сущности смерти, спорил с Эпикуром, Малларме, Сартром, Бодлером. Повествование не линейно. Воспоминания о прошлом (Париж, Москва, Елабуга, трудовой лагерь и лесозаготовки) и настоящее (военный быт, солдатские байки, солдатские страхи), планы на будущее (окончить Литературный институт, стать известным литературным критиком и переводчиком, приехать в Париж на международный научный симпозиум) и стихи Цветаевой прихотливо перетекают друг в друга, образуя единое целое. Эмоциональный накал сохраняется на всем пространстве небольшой повести. Мысли Георгия неотступно возвращаются к елабужской трагедии. Н. Елизарова дает возможность понять, что чувствовал юный, избалованный матерью Нарцисс, оказавшись в глубокой провинции, живя с матерью в отгороженном для них — не более шести метров — углу чужой избы? Без книг, вне привычного круга общения. Не понимая, на какую будущность в стране, где все так ненавидят «бывших», мог рассчитывать он, сын белогвардейца и опальной белоэмигрантки. Ему было только шестнадцать лет. В нем говорил эгоизм подростка. И досада. «Если бы они с матерью остались в эмиграции. ...Если бы отца не арестовали... Если бы из их семьи не сделали изгоев... Если бы они не сорвались из Москвы в Елабугу...» Он обвинял мать в том, что по ее вине они очутились в Богом забытой, треклятой Елабуге, что бросили в спешке в Москве вещи, которые можно было бы продать, чтобы купить еду и одежду. Он часто бывал с ней груб. Он говорил, что ее стихи никому не нужны. Он требовал, чтобы она запрятала подальше свою гордость и просила тех, у кого есть влияние и связи, помочь вырваться из Елабуги. «Вас же как поэта все знают!.. Отправьте телеграмму Асееву, Пастернаку, еще кому-нибудь... Что вам стоит?» Последние дни Марины Цветаевой глазами сына. Когда-то легкая, воздушная, окрыленная, она словно одревенела, приросла к земле. Отчаяние довело ее до полного безразличия, и она перестала следить за собой. На отрешенном лице будто застыла маска. Он вспоминает каждое свое слово, адресованное матери, ее реакцию, ее неловкие по-

пытки вернуться в реальную жизнь. Он досконально помнит все реплики тех, кто рядом с ним оказался у тела матери, в них звучали обвинения ему. Вспоминая, он оправдывал свои нападки на мать тем, что словесные баталии всегда приводили ее в тонус и возвращали желание действовать, и снова обвинял себя. При ее жизни его раздражала ее удушающая любовь, после ее смерти он остро ощутил свою ненужность и тотальное одиночество. «Его преследовало видение из сна — глаза матери... Такие, какими он видел их в последний раз — замутневшие, полуприкрытые тяжелыми, набрякшими веками... Неживые». Еще сильнее его мучили ночные кошмары, в которых он пытается спасти мать, но не может. Возвращаясь в мыслях снова и снова к роковым дням, герой книги многое переосмысливает. Так, он вынужден признать, что мать пыталась бороться за себя и близких: писала всем, кому можно — близким и дальним, на Лубянку, Сталину. Не ответил никто. Кто-то не хотел помочь, кто-то боялся. И это безучастие тоже вело Цветаеву к гибели. В равнодушной среде, среди чуждых, грубых, иногда смертельно опасных людей оказывается и Георгий: скитания, голод, от которого подкашивались ноги, лесозаготовки в трудовом лагере, фронт. Очень скупо, схематично рисует Елизарова тех, кто оказывался рядом с Георгием. И это тоже «штрих» к портрету героя: он другой, и он один. Показывая трагедию сына, Н. Елизарова оставляет финал открытым. Удалось ли ему изжить чувство вины перед матерью? Или освобождение от гнета этой вины он почувствовал накануне боя, смотря вокруг «на плывущие неведомо куда облака, ленивое покачивание березовых макушек, узкую полосу тихой, неспешной реки — и невольно застываешь, плывешь, точно во сне, безвольно и рассеянно. Наверное, такой — простой и безыскусной — землю эту любила его мать и мечтала, чтобы он тоже ее полюбил. Ее — такую привыкшую к страданиям и горестям людским». Георгия призвали в армию в конце февраля 1944 года. Ему было 19 лет, когда его тяжело ранили в бою под белорусской деревней Друйка и отправили на грузовике в санбат. 7 июля 1944 года в книге учета личного состава 437-го стрелкового полка появилась краткая запись: „Красноармеец Георгий Эфрон убит в медсанбат по ранению“. О дальнейшей его судьбе ничего не известно. Н. Елизарова дает свою версию. «Он верил, что все плохое осталось позади, даже когда услышал угрожающие завывания летевшего прямо на них истребителя и донесшийся из кабины грузовика истощенный крик водителя: „Во-о-о-здух!“ Впервые повесть была опубликована в ноябрьском номере журнале «Нева» за 2020 год.

Петер Надаш. Путешествие вокруг дикой груши. Собрание малой прозы.

Пер. с венг. В. Середы. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2021. — 320 с.

Венгерский прозаик и драматург Петер Надаш родился в 1942 году в Будапеште в семье коммунистов. После войны его отец стал крупным партийным чиновником, в 1958 году был обвинен в хищении, оправдан, но покончил с собой. Новелла «Библия» (1965), открывающая сборник, автобиографична: Надаш изображает 1950-е годы через восприятие ребенка, живущего с родителями, образцовыми венгерскими коммунистами, с бабушкой и дедушкой в национализированном особняке. Сын сверхзанятых родителей предоставлен самому себе, чутко реагирует на беседы и поведение взрослых, агрессивен: забивает насмерть свою собаку, укусившую его во время игры; набрасывается на соседскую девочку-подружку. Подглядывает за соседкой, за родителями, за взятой в дом девушкой-служанкой. Исподтишка подставляет служанку, настраивая против нее родителей и бабушку. Текст хорош яркими штрихами, которыми П. Надаш воссоздает эпоху (дефицит продуктов, апельсины от Ракоши), рисует характеры (бабушка, в девичестве горничная, хочет предстать перед наемной работницей госпожой),

изображает неприкаянность ребенка, жадно ловящего любое обращенное к нему слово родителей. В конечном итоге в потоке обыденной жизни постепенно происходит становление личности: трусливый мальчик с садистскими наклонностями переоценивает свое поведение, испытывает чувство стыда и в финале совершает вполне благородный поступок. Эта трансформация происходит вполне органично. П. Надаш считается то постмодернистом, то продолжателем традиций модернизма, наследником творческой манеры Т. Манна и М. Пруста. Мировую известность он получил прежде всего благодаря своим грандиозным романам «Книга воспоминаний» и «Параллельные истории». Неоднократно номинировался на Нобелевскую премию по литературе. Эта книга охватывает более полувека его творчества и включает семь важных вещей, начиная с дебютной повести «Библия». Название сборнику дало обширное эссе «Путешествие вокруг дикой груши» (2000). В 1984 году П. Надаш перебрался из Будапешта в деревушку Гомбошег на юго-западе Венгрии. «С тех пор как я поселился близ этой огромной груши, мне не нужно сниматься с места, чтобы увидеть что-то вдали или заглянуть в прошлое». Груша — дерево знаковое, под ней веками собирались местные жители и неспешно беседовали. Автор рассказывает о нравах и порядках жителей деревни. Непостижимая и загадочная для постороннего человека экономика как система взаимных интересов, что сложилась в далеком прошлом и продолжится в необозримом будущем. Своя, четкая и порой жестокая система наказаний. Все, что обеспечило общности выживание в меняющемся мире. Особенности поведения насельников деревни и — главное — особое коллективное сознание, феномен, который становится предметом осмысления писателем и в других произведениях этого сборника. Здесь «не только знание, но и зрение, слух у сельчан функционируют как бы на коллективно-безличном уровне. Они одинаково видят и одинаково слышат. ...Когда деревня принимает решение, что пришло время сажать картошку или убирать кукурузу, то решение это больше не вызывает споров и все дружно сажают картошку или убирают кукурузу. ...За двадцать лет я не слышал, чтобы кто-то задним числом выражал недовольство принятым коллективно решением. В их вселенной все свершается так, как должно свершаться». П. Надаш отмечает и особое искусство деревенских жителей — умение молчать о том, что знают все. Размышляя о формировавшейся веками общности, о коллективном и индивидуальном сознании ее членов, об их менталитете, П. Надаш погружается в историю, ведя отсчет от X века, когда епископ Пражский Адальберт усердствовал в христианизации венгров и пруссов. Об индивидуальном и коллективном сознании П. Надаш размышлял и в 1986 году в «Сказке об огне и пламени» (1986), где принцип «не делиться своим индивидуальным знанием друг с другом» также является условием национального выживания. Это явление, раздвоенное сознание, когда все знают всё, но молчат, хорошо знакомо советским гражданам. В притче речь идет о пожаре, что с четырех сторон подступает к центру Венгрии, но который СМИ преподносят как нечто незначительное. Сатирическая «Сказка про двух царевичей, перепутанных при рождении, и про ангела их хранителя» (1994) имеет четкую привязку к конкретным политическим событиям в Венгрии и повествует о борьбе «мохнозадых» и «черноногих», нациков и шовинистов, остановить которую сумела бабка-повитуха. Маленьким шедевром, насыщенным историческими и политическими аллюзиями, является новелла «Человек как чудовище» (2003), где внешний сюжет — обмен в поезде взглядами сидящими друг против друга чернорубашечника и барышни-еврейки. В 1993 году писатель пережил инфаркт и клиническую смерть. Свои ощущения он документально точно зафиксировал в философской повести-эссе «Собственная смерть» (2001), помещенной в центр книги. Завершает сборник история городка на юге Германии, жители которого еще со времен до Рождества Христова занимались добычей соли, — «Соль жизни» (2016). Здесь Надаш анализирует механизм исторических перемен на

примере небольшого европейского городка. Скрупулезно рассказывает про соляной промысел, про проблемы местных торговцев, про конфликт горожан с местным монастырем и обстоятельно про убранство церкви, где смешались раннероманский стиль, поздняя готика, барокко, про старинные колокола. У каждого из одиннадцати колоколов своя история, отражающая определенные страницы жизни городка алеманнов, построенного на холмах по обоим берегам небольшой речки, который на самом деле был основан кельтами, а теперь считается немецким. Неторопливое, размеренное повествование — это попытка П. Надаша понять, как в драматических перипетиях истории жителям города удалось сберечь свой город, сохранить гармонию жизнеустройства. Почему даже в разгар Реформации украшавшие церковь живописные полотна и фрески «не стали жертвами последовавшего за Реформацией варварского иконоборчества, их не только не разломали, не сожгли на кострах и не выбросили на свалку, но напротив, подобного рода роскошные статуи и рельефы устанавливались в храме протестантского городка, славящегося своей солью, и в более поздние времена». Настоящая книга служит своеобразным введением в творчество этого недостаточно хорошо прочитанного в России классика современной литературы.

Владимир Лапин. Два адмирала: Ф. Ф. Ушаков и П. С. Нахимов в исторической памяти. СПб.: Издательство Европейского института в Санкт-Петербурге, 2022. — 272 с.: ил.

Констатируя, что Федор Ушаков (1745—1817) и Павел Нахимов (1802—1855) в начале XXI века занимают первые два места в символическом списке великих отечественных флотоводцев, подобно тому как Суворов, Кутузов и Жуков лидируют среди великих отечественных полководцев, Владимир Лапин считает, что можно говорить об установившихся «культурах» Нахимова и Ушакова. Это проявляется в монументалистике, топонимике, научной и художественной литературе, фильмографии и прочих формах исторической памяти. В. Лапин дает сухую справку о реальных заслугах этих флотоводцев и прослеживает, как и под воздействием каких факторов в общественном сознании формировался их образ и в итоге сложились нынешние представления о них. Он исследует, как отношения к событиям и персонам прошлого формировались в разные, резко отличающиеся друг от друга периоды: имперский, советский и постсоветский. Предметом подробного изыскания становятся практически все формы сохранения и передачи информации: биографии, научные монографии, сборники документов, популярные брошюры, художественные произведения, справочники и энциклопедии. Время и обстоятельства любых публикаций, содержание, объем, тиражи позволяют с достаточной полнотой оценить место личности на ментальной карте его времени, в национальной исторической памяти. В формировании образа Нахимова большую роль сыграли биографии, созданные еще во время Крымской войны. Внимание к нему всегда оставалось устойчивым. Бессмертие Нахимову, считает В. Лапин, гарантировало то, что он стал лицом Крымской войны, а смерть в бою сообщила трагичный, героический и мученический ореол его образу. А вот первая биография Ушакова вышла только в 1856 году, когда российское государство, общество и, особенно, морская корпорация остро нуждались в пролитии бальзама на раны, нанесенные поражением в Крымской войне. Следующее обращение к личности Ушакова произошло почти через полвека. Востребованной же его персона стала в годы Великой Отечественной войны. То же самое исследователь обнаруживает в учебниках и учебных пособиях: в дореволюционных источниках жизнь и деяния Нахимова освещались сообразно объему, выделенному для описания Крымской войны, Ушаков лишь изредка удостоивался случай-

ного упоминания. В советское время картина стала меняться. В. Лапин пишет о юбилеях важных сражений, отмечавшихся до революции; о памятниках адмиралам, где существенно все — размеры памятника, место и обстоятельства его установки, особенности проектирования, личность исполнителей, надписи и детали, церемония открытия; о кораблях, названных именами героев (и не только именами Нахимова и Ушакова), и судьбах этих кораблей. Автор рассказывает об отношении к флоту и морякам в дореволюционной России, о русско-турецких войнах, принесших известность Ушакову и Нахимову, о малоизвестных морских победах в эпоху Николая I, о Крымской войне. В. Лапин ищет ответ на вопрос, почему именно Нахимов и Ушаков заняли ведущее место среди русских флотоводцев, хотя отнюдь не выделялись среди своих современников ни количеством, ни значимостью наград, ни благоволением к ним императоров. Он указывает на заслуги более популярных среди населения «конкурентов», «проигравших» Нахимову и Ушакову в «соревновании» за бессмертие. Символами российской военной славы этих флотоводцев сделал перелом в 1940-х годах, начало которому положило учреждение высоких правительственных наград — орденов и медалей Нахимова и Ушакова (1944). За этим последовало создание биографических фильмов, спектаклей, документальной и художественной литературы. Причины возвращения в отечественный героический пантеон Нахимова достаточно очевидны, считает В. Лапин. Но почему именно Ушакова, забытого флотоводца XVIII века, кончину которого «заметили» только самые близкие, выбрал Сталин? Автор дает подробное обоснование выбору Сталина. Оба флотоводца принадлежали к «хорошей» эпохе (Екатерина II и Петр I и в советское время оставались Великими, а другие императоры таких эпитетов не заслужили). Оба адмирала без потерь для имиджа прошли испытания на «близость к самодержавию». Их имена были жестко привязаны к описаниям боевых действий, находясь в стороне от внутривластной жизни. В советское время они имели явное преимущество: оба отличились в боях с Турцией, которые Россия вела под эффективным лозунгом освобождения народов от иноземного гнета. До революции акцент делался на помощь христианам, православным, в советское время — на помощь «братским» народам, на борьбу «с угнетением». Образ адмирала Ушакова, не знавшего ни одного поражения, неоднократно побеждавшего турок в открытых столкновениях, а затем спасшего их от нападения коварных европейцев, оказался очень востребован во время Второй мировой войны и после нее. Были и другие весьма веские причины. В. Лапин показывает, как лепились образы Нахимова и Ушакова в советское время. Как по указаниям партийных органов проводили «работу над ошибками» автор трехтомного романа «Севастопольская страда» С. Сергеев-Ценский и кинорежиссеры, как Ушакову «искали масштабных противников» среди власть имущих, попутно доказывая, что он был не в ладу с царизмом. Создателям культов Ушакова и Нахимова приходилось решать непростые задачи, дабы представить деяния своих героев в выгодном свете. Например, советским историкам предстояло примирить прославление русских военачальников с признанием того, что Россия, воюя в конце XVIII века с Францией за Ионические острова, пыталась покончить (о ужас!) с завоеваниями Великой французской революции. Наше сегодняшнее восприятие Ушакова и Нахимова есть совокупный продукт деятельности всех, кто причастен к созданию картины прошлого. Возможно, не все наши сегодняшние представления соответствуют действительности. Однако несомненно одно: выбор героев для формирования культа оказался достойным, их заслуги — реальны. В настоящее время Ушаков опережает Нахимова. После канонизации Ф. Ушакова в 2001 году в ранге святого Русской православной церкви адмирал почитается не только как защитник России, но и как защитник всего православного мира.

Кирилл Кожурин. «Соловецкое сидение» 1668—1676. СПб.: Евразия, 2022. — 192 с.: ил.

В центре повествования — вооруженное сопротивление монахов Спасо-Преображенского Соловецкого монастыря, отказавшихся принять церковную реформу, принятую патриархом Никоном и царем Алексеем Михайловичем. Осаду царских войск соловецкие иноки выдерживали восемь лет. Возможности сопротивляться были. К началу XVII века Соловецкий монастырь превратился в важный военный форпост, был хорошо укреплен и вооружен, его насельники владели воинскими навыками. На случай неожиданной шведской блокады монастырь имел солидные съестные припасы. Во время осады защитников монастыря снабжали продовольствием и поморы: ладьи с солью, с рыбой и хлебом постоянно «сбивались с пути» и приставали к Соловецким островам. Монастырь пал из-за предательства: монах Феоктист показал тайный проход в монастырь. Кирилл Кожурин подробно рассказывает об истории Соловецкого монастыря и окрестных земель: христианизация местного населения в XII—XV веках, первое монашеское поселение на Соловках, основанное преподобными Саватием и Германом (1429), расцвет монастыря в XVI веке при игумене Филиппе, святые северной земли, чудотворные иконы. Монастырь на Соловках стал главной православной святыней и крупнейшим собственником на Русском Севере. Его собственный флот состоял из 50 ладдей. К. Кожурин подчеркивает, что протест соловецких иноков был осознанным. В монастыре имелось обширное книжное собрание, монастырские писатели-книжники повышенный интерес проявляли к догматическим и обрядовым проблемам. Соловецкие иноки сразу откликнулись на никоновские «новины» сочинением Г. Фирсова «О сложении перстов», созданием группы для подготовки опровержений по ряду пунктов никоновской реформы. Двух священников, которые провели службу по новому типу, наказали плетью. Приводится мнение академика Д. Лихачева: «официальные историки Русской церкви пытались представить Соловецкое восстание 1668—1676 годов как восстание невежественных сторонников против прогрессивных реформ Никона. Прогрессивность никоновских реформ весьма относительна, как и невежественность староверов XVII века». За 15 лет насельники монастыря подали царю шесть челобитных с просьбой разрешить им остаться в вере своих отцов. В ответ царь Алексей отписал все монастырские угодья в казну и запретил местным жителям-поморам подвоз продовольствия на остров, непокорные иноки были преданы анафеме, на Соловки послали воинскую команду. Иноки во главе с архимандритом Никанором заперлись в обители, предложив всем колеблющимся братьям и мирянам удалиться из монастыря. Ушло 40 человек, около полутора тысяч человек решили стоять насмерть за старую веру. Освещены все перипетии восьмилетней осады. Были и чудеса. В 1674 году под стены монастыря на смену неблагонадежным, сочувствующим инокам стрельцам пришел новый воевода И. Мещеринов «и с ним воинов тысяща триста („новокрещенных иноземцев“)... со многими стенобитными хитростями». Обстрел стал постоянным, под три монастырские башни велись подкопы. После соловецких молитв и богослужений за три-четыре дня умерло около 700 осаждавших. Многие из оставшихся в живых стрельцов приняли постриг. «Язвою согнития» был поражен сотник Иевлев, пожегший вокруг монастыря все кельи, устроенные для упокоения монахов, и хозяйственные постройки. К. Кожурин анализирует все нововведения Никона, начавшиеся в конце 1653 года с единоличного указа патриарха, разосланного по московским церквям с предписанием творить поклоны в пояс и креститься тремя перстами. Самое главное изменение, с точки зрения автора, произошло в духе Церкви: новообрядческая церковь

утратила дух соборности и попала под власть светских властей. Подробно анализируются причины реформы. По мнению автора, мотивы реформаторов были исключительно политические и к духовной жизни, по сути, отношения не имели. И патриарх Никон, и царь Алексей грезил об освобождении Константинополя от турок и о византийском престоле. А после воссоединения Украины с Россией (1654) возникла необходимость в создании единых норм богослужения и богослужебного языка (южнорусский, киевский извод славянского языка значительно отличался от московского извода). Грекофильская ориентация царя и патриарха привела к принятию не московской нормы богослужения (наиболее близкой к ранневизантийской), а южнорусской, в большей степени соответствовавшей греческим текстам и традициям XVII века. Автор считает, что инициатором реформ и их движущей силой был царь, а патриарх — ведомым. Даны яркие портреты главных реформаторов. Подробно — о взлете и падении властолюбивого патриарха, стремившегося стать в православном мире тем же, кем в западном мире был римский папа. В начале своего религиозного служения он вступил в конфликт с братией Соловецкого монастыря и сохранил неприязнь к северной обители. По мере увеличения власти в нем развивались неимоверное самодурство и крайняя жесткость. Недалеки, в отличие от своего предшественника Ивана Грозного, рисуется царь Алексей: одержимый идеями «греческого проекта» и построения «вселенской православной империи», он попался на очередную иезуитскую удочку — заключил перемирие с разгромленной Речью Посполитой. К. Кожурин не раз обнаруживает в реформах «латинский след» и выгоды европейцев-католиков: с одной стороны, втянувшись в «греческий проект», Россия отвлекала на себя значительные военные силы турок, возобновивших экспансию в Европу. С другой стороны, духовный раскол значительно ослаблял их давнего конкурента. Раскрывается много интриг: при возведении Никона на патриаршество, при проведении Большого Московского собора 1666—1667 годов. Интриги, сговоры, тайные знаки, таинственные смерти, знамения. Крепость была взята 22 января 1676 года. Казни его насельников были ужасны. Избитых, измученных людей бросали умирать на лед. В живых остались 14 человек. На следующий день после взятия крепости царь внезапно заболел, умирал тяжело, с видениями: «Приходят ко мне старцы соловецкие и пилами трут кости моя, и всяким оружием раздробляют суставы моя. Прикажите освободить монастырь их». О взятии крепости не узнал, два гонца — из Соловков и из Москвы — встретились на дороге. Былая слава после разгрома уже не возвращалась к Соловецкому монастырю, однако влияние его не прервалось. Соловки оказались окруженными старообрядческими поселениями, соловецкие постриженники разбрелись по России, основывали новые обители. Книга основана на подлинных исторических документах и на трудах предшественников, иллюстрирована миниатюрами и гравюрами из старообрядческих книг.

Вольфанг Акунов. Тайны Балтийской Атлантиды. СПб.: Алетей, 2022. — 252 с.: ил. — (Документы и материалы древней и новой истории Суверенного Военного ордена Иерусалимского храма).

«Говорят, на северном побережье острова Узедом много, много лет тому назад стоял большой торговый город под названием Винета, отличавшийся большим богатством. ..Говорят, что в пору своего расцвета город Винета был таким богатым и красивым, что не имел себе равных на всем побережье Северного и Балтийского моря. ..Но чем богаче и состоятельнее становились жители Винеты, тем больше проникались они гордыней и надменностью, безбожием и всяческим нечестьем. ..Но подобные спесь и гор-

дыня не могли остаться безнаказанными. Как-то ненастной ноябрьской ночью над нечестивым городом и над его безбожными жителями внезапно свершился грозный суд Божий; обрушившийся на него с моря ужасный потоп, смыл своими волнами город, погребая все дома и всех людей под своими потоками, и ни один из жителей Винеты не избежал скорой и внезапной гибели. Так всего за несколько часов был уничтожен богатый город со всей его красотой и всем его великолепием». Далее Альфред Гааз, чьи «Померанские сказания» вышли в 1912 году в Берлине, утверждает, что развалины Винеты и очертания столь оживленных в свое время улиц города все еще различимы на дне моря. Существовала ли некогда на Балтике своя, собственная «Атлантида»? Точное местоположение Винеты пока не установлено, предполагается, город балтийских славян-венетов находился на Балтийском побережье Германии. В поисках загадочной Винеты Вольфганг Акунов обращается к древним сагам и легендам. Он предупреждает, что эти источники нельзя считать достоверными. «Гомеровская (а не реальная) Троя, платоновская Атлантида, как и золотые маковки Винеты, не были (и вряд ли будут) найдены в том виде, в каком они дошли до нас в сказаниях». В. Акунов штудировал средневековые летописи и хроники. Сведения о загадочном городе он находит в сочинениях уроженца Фландрии епископа Римберта (IX век), немецкого хрониста XI века Адама Бременского, арабского писателя Абу аль-Бакри, автора «Книги путей и царств» (1086), в «Славянских хрониках» Гельмольда из Босау и Арнольда Любекского, продолживших писания Адама Бременского в XII веке. В. Акунов указывает на особенности средневековых топонимов: часто один и тот же город обозначен под разными названиями в источниках разных народов; ошибки делали и переписчики. И вот уже образуется такая цепочка Юмна–Юмнета–Вимнета–Винета. Или Юлин–Волин. Поиск легендарной Винеты приводит историка на остров Узедом напротив устья реки Одер (тот самый, где во время Второй мировой войны находился немецкий концлагерь и откуда 8 февраля 1945 года совершила побег на захваченном бомбардировщике группа советских военнопленных во главе с летчиком М. Девятаевым); как «перспективный» рассматривается польский остров Волин в устье Одры, заселенный западными славянами в VIII веке. А быть может, прообразом сказочной Винеты является остров Руга (Руян, Руен, Рюген, сказочный Буян «синя моря-Окияна»), где находилось главное святилище славян — Аркона. Среди «кандидатов» считается Винетой и до сих пор не найденный археологами храмовый центр племенного союза вильцев-лутичей Ретра (Ридегост, Радогост, Радогощ), и загадочный Йомсбург из скандинавских саг. Но если местонахождение Винеты вызывает споры, то ответ на вопрос, кто построил этот или подобный ему город, есть: это венеты — древнеславянские племена, распростершиеся от Балтийского моря до Адриатического. В. Акунов пишет о славянском мотиве в немецкой судьбе, о смешении автохтонов-германцев и славянских переселенцев. Опираясь на археологические данные, Акунов подробно рассказывает, какие новации пришли на балтийское побережье со славянским населением, например, культура выращивания ржи и использование лошади как пахотного и транспортного средства. Освещены все стороны хозяйственной деятельности северо-западных славян: земледелие и животноводство, садоводство и огородничество, птицеводство, рыболовство, охота, ремесла. Известно даже, как выглядели, как одевались, что ели женщины и мужчины, не без ехидцы: «...в то время в балто-славянском, как и вообще человеческом обществе, признавалось существование только двух человеческих полов». Археологические находки позволяют «реконструировать» такие сферы деятельности северо-западных славян, как торговля, мореплавание, кораблестроение и даже морской разбой. А также богатый мир языческой религии: боже-ства, идолы, капища, святилища, ритуалы. Единственное, чего, по мнению автора, не

хватало религиям язычников по сравнению с религиями классового общества, так это религиозного обоснования и оправдания социального разграничения и неравенства. Среди зримых свидетельств реального существования Винеты автор числит религиозные артефакты: «Винетский крест», распятие грубой, но прекрасной в своей грубости работы, обретенное в море рыбаками в XV веке; камень с изображением Святовита; каменное изваяние (так называемый «Монах»); четырехликий божок из волинского музея. Языческие капища были разорены, а идолы пали в ходе «богоугодных» миссий — военных походов под знаком Креста на берег Балтийского моря, которые проводились до официального начала эпохи крестовых походов, датируемого 1096 годом. Славянское население, пишет историк, с оружием в руках отстаивало свое право поклоняться многоглавым, многоликим праотеческим богам, а утверждение власти короны и креста над очередной областью несло этой области конец самоопределения и независимого развития. В конечном итоге, считает Акунов, к гибели древних городов приводили не стихийные бедствия, не этническое противостояние, не набеги викингов, а социально-экономические причины: крепнущие феодальные государства «поглощали» сопротивлявшиеся им города. В книге много иллюстраций, репродукций старинных карт. Каждая сноска (древние народы, поселения, география) как маленькая статья из энциклопедии. В. Акунов лукав: на протяжении всей книги он пытается установить точное местоположение овеянной легендами Винеты, выдвигает версии, воссоздает красочные картины жизни северо-западных славян, приводит массу документально подтвержденных сведений. И только в самом конце скажет, какой город можно считать Винетой.

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

Редакция благодарит за предоставленные книги
Книжную Лавку Писателей
(Санкт-Петербург. Невский пр., 66, т. (812) 640-44-06,
www.lavkapisateley.spb.ru)